DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-474-484

Н. В. Трофимова

ПОВЕСТВОВАНИЯ О ВЗЯТИИ СМОЛЕНСКА В 1514 Г. В ЛЕТОПИСАНИИ XVI–XVII ВВ.

Аннотация: Повествования о взятии Смоленска войском Василия III в летописях XVI–XVII вв. принимают формы кратких погодных записей и воинских повестей. Повести, написанные в XVI в., с разной степенью подробности, с различных позиций и в многообразных стилистических манерах раскрывают ход событий. Краткие записи в летописях последующего времени передают лишь значение похода, отдаленного от авторов во времени и явно заслоненного для летописцев более поздней историей города.

Ключевые слова: повествование, поход 1514 г., Василий III, летописи, словесно-стилистические средства, позиция летописца

N. V. Trofimova

THE NARRATIONS ABOUT THE CONQUEST OF SMOLENSK IN 1514 AT THE CHRONICLES OF 16th–17th CENTURIES

Abstract: Narrations about the conquest of Smolensk by the force of Vasili III in the chronicles of the 16th–17th centuries have the forms of short records and military stories. The stories, written in the 16th century, with varying details, from different points of view and in different stylistic manners reveal the course of events. A brief records in the chronicles of the following time express only the meaning of events, distant in time and obviously obscured to the chroniclers by the later history of the city.

Keywords: narration, campaign of 1514, Vasily III, chronicles, verbal and stylistic means, the position of the chronicler.

Судьба древнего Смоленска последовательно отражена в русском летописании. В 1404 г. литовский князь Витовт, дважды осаждавший город, взял его в отсутствие Юрия Святославича, уехавшего в Москву просить помощи у великого князя Василия, который не пожелал помочь Юрию против своего тестя. На протяжении последующих ста лет Смоленск находился под властью князей литовских, и первые

попытки московских князей отвоевать его (например, осада города в 1502 г.) закончились безрезультатно. На этом фоне крупным событием стал поход Василия III в 1514 г., свидетельство о котором сохранили многие своды.

Тексты, вошедшие в своды, написанные или завершенные в XVI в., содержат более или менее распространенные воинские повести о взятии Смоленска.

Самый краткий вариант, не имеющий названия, помещен в Ермолинской летописи. Вначале сообщается об участии в походе московского князя и его братьев Юрия и Семена, воеводах, посланных вперед, чтобы установить осаду. С приходом великого князя «начаша изъ всякого наряду по граду и огньными пушками въ градъ бити» [2, с. 268]. К этой фразе и сводится все повествование о битве, потому что «страхъ великъ нападе на гражданы, и начаша вопити и кликати, чтобъ государь мечь свои унялъ и бою престати повелелъ, а они государю хотятъ бити челомъ и градъ подати» [2, с. 269]. Далее рассказывается о посольстве из города и благосклонном приеме его Василием. Затем в повести появляется первая дата: «июля 31» бояре вышли из города и целовали крест Василию, который отправил в город боярина и воевод, чтобы привели жителей ко крестоцелованию. 1 августа состоялся торжественный вход великого князя в город, с благословением у епископа Варсонофия и молебном. После обедни на княжеском дворе был дан обед, где были «смоленские князи и бояре и мещане», и князь «жаловалъ ихъ шубами собольи и куньи подъ бархаты и подъ камками и подъ отласы, коегождо по его достоанию» [2, с. 269]. Наместником князь назначил Василия Васильевича Шуйского, а литовского воеводу пана Юрия Сологубовича отпустил к королю и велел проводить его до Орши. Акцент в повествовании сделан не на ходе военных действий, а на устроении власти в присоединенном к Московскому государству городе.

Сходный по фактической основе, но гораздо более пространный рассказ помещен в Воскресенской и Никоновской летописях (варианты двух летописей XVI в. различаются в основном заменой или вставкой отдельных слов и их порядком). Различны заглавия повести, которые появляются в этих сводах: в Воскресенской летописи «В третей ходи князь великии к Смоленску, да и Смоленескъ взя» [1, с. 336], во всех списках Никоновского свода, кроме Шумиловского

«О Смоленскомъ взятии» [4, с. 17], в Шумиловском «О Смоленскомъ взятии, како ходилъ князь великий в третие къ Смоленьску и взя Смоленескъ» [4, с. 18], т. е. этот вариант соединяет два предыдущих, полно и даже с повтором, создающим акцент, передавая сведения об основном событии.

Первая часть повести, рассказывающая о подготовке к сражению, в основном совпадает с текстом Ермолинской летописи. Однако здесь указана точная дата выхода войска из Москвы — 8 июня, и неточно называется время прихода великого князя с основным войском к городу «месяца июля» [1, с. 337].

Распространяется и вторая часть, не сообщающая, а кратко рассказывающая о сражении: «И пушки и пищали болшие около города уставивши, повеле градъ бити со всехъ сторонъ, и приступы велики чинити безъ отдуха, и огнеными пушками въ градъ бити, яко от пушечнаго и пищалного стуку и людскаго кричаниа и вопля, такожде и от градских людеи супротивнаго бою пушек и пищалей, земли колебатися, и другу друга не видети, и весь град в пламени курениа дыма мнящеся въздыматися ему, и страх велик нападе на гражданы» [1, с. 337]. Описание боя в данном случае подражательно по отношению к «Повести о взятии Царьграда турками». Несмотря на обобщенность и условность приведенной картины, она придает повествованию эмоциональность благодаря эпитетам (пищали болшие, приступы велики безъ отдуха), гиперболам (от звуков боя колеблется земля, в дыму кажется, что город подымается в воздух), принципу градации в построении отрывка.

Наиболее пространна третья часть повести. Картина входа победоносного войска в город и изображение милости великого князя по отношению к обретенным подданным распространяются множеством деталей, украшаются приемами эмоционально-экспрессивного стиля.

Вход князя в город описан в церемониально-торжественных тонах: «епископъ же Смоленски Варсонофеи с архимандриты, и священники и диаконы, възем чюдотворную икону пренепорочныя пречистыа Богоматере, съ честными кресты и иными многими образы святыми, а за ними лики различныя, въ стретение тому исходящу; и князи, и велможа благородныа, старци съ юнотами, матере, девици, иноки, инокиня и весь народъ града Смоленска, малые и велицие, мужи и жены и дети, светлыма очима и чистыми душами, съ многою

любовию и усердием, сретоша государя великого князя за градомъ, на посаде» [1, с. 338]. Главное средство, использованное в отрывке, — ряды однородных членов, которые придают ритм тексту, одновременно создавая смысловую и эмоциональную полноту. Внутри рядов просматривается иерархический принцип: епископ — архимандриты — священники — дьяконы; главная святыня города икона Богоматери — кресты — иные образы святые. В перечне жителей, встречающих князя, появляются антонимы, создающие полноту описания: старцы и юноши, малые и великие. Для изображения чувств жителей использованы близкие по смыслу слова: со светлыми очами и чистыми душами, с любовью и усердием.

Далее текст распространяется за счет включения речи епископа, благословляющего князя, а затем введения двух перечислительных рядов людей разных сословий, приветствовавших князя. Изображая чувства смолян, летописец прибегает к повторам и синонимам: «начаша здравствовати и целоватися, радующеся <...> ликовствующе <...> благодарственыа испущающе гласы, избавльшеся и свободившеся злыа латынскиа прелести и насилиа, възрадовашася своему истинному пастырю и учителю православному великому государю», «въ всемъ граде Смоленске промеже обоихъ людей радость и веселие неизреченно» [1, с. 338].

После службы князь отправился «на свой двор, и седе на своемъ месте» [1, с. 338]. Этот момент связан с введением указания на церемониал: Василий собрал «князей и бояръ Смоленскихъ и мещанъ, и глагола имъ уставную свою речь и съвершенное жалование свое» [1, с. 339], назначил наместником князя Василия Шуйского и звал всех «къ себе ести». После трапезы сообщается о дарах, которые были даны, но перечень их иной, чем в Ермолинской летописи: «учалъ ихъ жаловати портищи собольи, и бархаты, и оксамиты, и камки, и отласы златыми, и денежнымъ жалованиемъ, комуждо по его достоянию» [1, с. 339]. Дальнейшее перечисление людей всех сословий, которых жаловал князь, подчеркивает его милость к городу: «такожде и детей боярскихъ, и служилыхъ людей и мещанъ, комуждо по его пригожеству, такожде и гетмановъ жолнырскихъ и жолнырей жаловалъ» [1, с. 339].

Таким образом, распространение последней части повести направлено на изображение торжественно-радостной атмосферы присоединения Смоленска к Московскому государству и определе-

ние роли московского князя как милостивого по отношению ко всем подданным, в том числе вновь обретенным. В целом, летописец придал тексту большую детальность и вместе с тем более эмоциональный характер.

Новую редакцию повествования предлагают Устюжские летописи, причем между первой (первая четверть XVI в.) и второй (XVII в.) редакциями общерусской провинциальной летописи есть разночтения.

В первой редакции по списку Мациевича события помещены под 7023 (1515) г. Уже начало повести, не имеющей названия, отличается от рассмотренных: «На весне ходил князь великии Василеи Иванович в другие к Смоленску. И стоял князь великии лето. Силы пало с обеих сторон. А в загон ходили под Оршу, под Мстислав, под Кричев, под Полотеск, полону имали безчисленно, а города не взяли ни одново. Потом собрався сила великого князя вся под Смоленеск» [7, с. 52]. По этому отрывку, явно детализирующему повествование, можно определить стиль текста как разговорный. В дальнейшем особенности повести проявляются в уточнении датировок событий и конкретизации их хода: «Июля в 29 день, в суботу, на третьем часу дни, из-за Днепра удари по городу большою пушкою и улучися ударити на городе по их пушке по наряженои, и их пушку разорвало, и много в городе людеи побило. Того же дни тот же пушкарь тою же пушкою стрелил, много ядер мелких собрано, окова свинцом и удари в другие» [7, с. 52]. Одновременно с этим передаются мысли осажденных: «И бысть в городе скорбь велика и нача мыслити: нечем стало битись им, а передатися, короля для, не смеют» [7, с. 52]. Только в этой летописи сказано о попытке смоленского владыки и воеводы пана Юрия Солоуловича отсрочить сдачу города до следующего дня, причем владыка вышел «из Смоленска на мост» [7, с. 53]. Эта просьба в повести остается непроясненной: читателю непонятно, что могло измениться до следующего дня. После отказа великого князя обстрел города возобновился, и жители вышли его сдавать.

Речь горожан, которую приводит летописец, рисует печальное состояние города: «Государь, князь великии Василеи Иванович, многа крови християнския лилось, и земля пуста, твоя отчина, не погуби града; приими град наш с тихостию» [7, с. 53]. Князь принял благословение от владыки, но затем его, верхушку боярства и воеводу отправил «к себе в шатер», а причт и черных людей отпустил в город,

послав с ними московскую стражу. Следующее сообщение летописец не поясняет, и смысл его в этой летописи непонятен читателю: «А владыка, и воеводы, и паны до утра за сторожы в шатре были» [7, с. 53]. Наутро все они были посланы в город, чтобы переписать и привести ко крестоцелованию жителей.

Перед входом князя в город отмечено со всеми деталями еще одно событие: «И августа в 1 день во вторник повеле князь великии владыке смоленскому со въсем причтом во украшенных ризах с месными иконами святити воду на Днепре» [7, с. 53]. Вместе с тем упрощается описание встречи Василия с жителями, в котором отсутствуют синонимы и однородные члены.

Рассказывая о решениях великого князя, летописец отмечает, что владыке он «повеле… на своем престоле быти», а воеводе Юрию Солоуловичу предложил выбрать, кому он будет служить. «Он же к королю отъеха и от короля убиенъ бысть» [7, с. 53]. Так же поступил князь с наемными воинами, служившими литовцам. «И они похотели великому князю служити. И князь великии дал им по два рубли, а которые не хотели великому князю служити, и он дал по рублю и к королю отпустил». Заканчивается повесть тоже новым сообщением, подчеркивающим заботу князя о безопасности присоединенного города: «И утвердив Смоленеск и поиде князь великии к Дорогобужу, а многих князеи, и бояре, и воевод с силою поставил от литвы по дорогам Смоленска стеретчи» [7, с. 53].

Вторая редакция Устюжской летописи (Архангелогородский летописец, XVII в.) вносит незначительные изменения по сравнению с первой, которые еще в большей степени детализируют повествование. Пушкарь, удачно стрелявший по городу, получает имя Стефан, уточняется, что во второй раз он стрелял «на 6-м часу дни» [7, с. 100], жителей привели ко крестоцелованию «в понедильник», встречающие князя горожане назвали его не только государем, но и «самодержцем всеа Русии» [7, с. 101].

Подробнее рассказывается о жаловании, данном наемникам, и о судьбе жителей города: те, кто захотел служить князю, получили не только по два рубля, но и «по сукну по лунскому и к Москве их отпустил. А которые не похотели служить, а тем давал по рублю и к королю отпустил… А иным князем и паном смоленским и черным людем волю же дал. И которые похотели на Москве жити, и тем

людем денег на подъем давал своеи казны, чем кому мочно поднятися. А которые в Смоленску похотели жить князи и паны, служивые люди, и тем жалованье же велел дати, а поместеи не отнимал, ни вотчин» [7, с. 101]. Более подробное разъяснение, касающееся судьбы жителей завоеванного города, подчеркивает терпимость и милосердие московского князя.

Таким образом, Устюжская летопись представляет текст повести, разительно отличающийся от вариантов общерусских московских сводов. Детализация практически всех сведений, введение дополнительных речей персонажей, безыскусственность повествования, явно проявляющаяся разговорная стихия могут свидетельствовать о том, что автором первоначальной редакции был свидетель или участник событий. Поскольку Великий Устюг к этому времени давно уже был в подчинении московского князя, выходцы оттуда вполне могли участвовать в походе.

Краткую запись о событии дают поздние списки Новгородской IV летописи (Академический и Дубровского): «Въ лѣто 7023. Ходилъ князь великии Василеи Ивановичь всея Руси да Смоленьско взялъ да и намѣстника своего посадилъ князя Василиа Василиевича Шуиского. А владыку Смоленьского свелъ к Москвѣ, а своего владыку с Москвы послалъ в Смоленескъ» [6, с. 470]. Летопись Дубровского добавляет дату «Мѣсяца августа 31, в заговеино в Оспожино» и говорит о помощи небесных сил «Государю князю великому» [6, с. 538]. Таким образом, появляется новое свидетельство, которого не сохранили ни московские, ни устюжские летописи, о смене епископа в Смоленске. Это сообщение противоречит прямому указанию Устюжской летописи на то, что епископ был оставлен на смоленском престоле. Объяснение этого несоответствия кроется, видимо, в неосведомленности новгородского летописца, соединившего два разновременных события. Воскресенская летопись под 7023 г. рассказывает о предательстве Варсонофия, который, узнав о поражении войска великого князя под Оршей, послал к королю племянника, призывая его прийти в плохо защищенный Смоленск. Измена раскрылась, и тогда наместник Василий Шуйский отослал в Москву епископа, а на епископию в Смоленске был прислан архмандрит Чудова монастыря Иосиф.

Новые детали обнаруживаются в повествовании, сохранившемся в некоторых белорусско-литовских (западнорусских) летописях, хотя

большинство списков заканчивается ранее 1514 г. В дополнении к списку Археологического общества (конец XVI в.) есть короткая, но весьма примечательная запись, вносящая новые детали в рассказ о событиях: «В лѣто 7022 индикта 12 месяца маия 16 день на память святаго отца нашего Григория, ты ж дьни по святом Николине дьни вешнемъ, во вторникъ, приѣхали Москвичи в Смоленскъ и стояли под Смо//ленском 12 недель, а потом Смоляне подалися Московскому, в понедѣлникъ августа 1 дьнь и на завтрия Московскии князь великии въѣхалъ в город, а потом государь нашь король его милость самъ пошол противъ неприятеля своего Московского и выѣхалъ его милость з Вилни месяца июля в 22 дьнь на память святыя Марии Магдалыни в суботу перед Матки Божи запусты о 10-м годинѣ дьня и стоял государь корол его милость в Борисове» [3, с. 289–290]. Позиция литовского летописца проявляется в подчеркнуто почтительном титуловании короля и определении «наш король», в языке заметны черты западнорусского наречия.

Сходное повествование содержит список Рачинского (конец XVI в.), в языковом отношении отличающийся большим количеством полонизмов. Вначале с небольшими разночтениями по отношению к предшествующему списку сообщается о приходе великого князя к Смоленску и двенадцатинедельном стоянии у города. После этого сразу следует рассказ о походе литовского короля: «Король Жыкгимонт услышавшы тое пошолъ боронити Смоленъска з Вилни выехал месеца июля двадцать второго дьня в суботу за неделю перед Спасовыми запусты, и Смольняне не дождавшы обороны за пракътыками и пострахами Михала Глинского подали замокъ Смоленскъ князю великому Московскому месяца августа первого дьня, а // в тот часъ на Смоленску былъ воеводою от короля Сологубовичъ. А был под панованьемъ Литовскимъ Смоленскъ от того часу, якъ его Витовтъ взялъ до поданья Московскому девеносто лѣт, в кронницэ полскои сто» [3, с. 346–347]. Далее летописец переходит уже к походу московского князя к Орше, в котором он потерпел поражение. Подобный текст, но на русском языке без полонизмов, сохранил Евреиновский список (конец XVII в.) [3, с. 403].

Последний вариант текста объясняет, почему в Устюжской летописи литовский воевода просил отсрочить сдачу города до следующего дня: у него была надежда, что на помощь подоспеет Сигизмунд

с войском. Таким образом, Василий в этом случае не случайно проявил настойчивость, что говорит о его дальновидности. Разъясняется и пленение на ночь владыки и воевод московским князем: находясь на свободе, они могли дать весть врагу о положении города. Примечательно и полное отсутствие описания хода военных событий: литовские летописцы не только не знали деталей, но и старались не делать акцента на потере Смоленска, поэтому сразу же переходили к подробному рассказу о победе над московским войском под Оршей.

Таким образом, свидетельства летописей XVI в. в совокупности дают полное представление о ходе и взаимосвязях событий Смоленского взятия. В то же время при сравнении текстов особенно ярко обнаруживается многообразие летописных манер этого времени.

Иной облик приобретают тексты о том же событии в летописях последующих веков. В местном Устюжском летописце (редакции XVII и XVIII вв.) повествование и даже упоминание о взятии Смоленска отсутствует полностью, а в самой поздней устюжской летописи — Летописце Льва Вологдина (1765–1767) — отголосок события появляется в краткой записи с ошибочной датировкой: «В лето 7013, а от Рождества Христова 1505. Великий князь Василий Иванович имел войну с поляками, Смоленск покорил под свою державу и бунтующий Псков усмирил» [7, с. 137]. Важными оказываются не точные даты, не детальный ход событий, а их объединительный смысл.

В Вологодской летописи конца XVII — начала XVIII вв. также находим погодную запись: «В лето 7022. Московский великий князь Василей Ивановичь взял град Смоленеск божиею помощию и своею силою» [7, с. 173]. Краткую запись о событии содержит и патриарший Мазуринский летописец (1682): «Того же году князь Василий Иванович Литву воевати ходил, и Смоленеск взял, а был за Литвою Смоленеск 100 лет» [5, с. 126]. Такое изменение в описании события объясняется, по всей видимости, не только особенностями отдельных поздних сводов (Мазуринский летописец, например, сокращает или исключает почти все воинские повести), но и общим отношением к этой давней истории. В эпоху Смуты Смоленск вновь оказался в руках польско-литовских правителей. Героическая оборона города в Смутное время, неудачная попытка вернуть его в 1632–1634 гг., возвращение его в состав Московского государства в третьей четверти XVII в. — все эти события, видимо, заслонили от потомков историю присоединения города

к Москве Василием III. К счастью, летописи XVI в. с разных точек зрения, в различных стилистических манерах воссоздали полную и выразительную картину этого важного события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 1998. Т. 3. С. 336–339.

2 Ермолинская летопись // Русские летописи. Рязань: Издат. дом «Наше время», 2000. Т. 7. С. 268–269.

3 Западнорусские летописи // ПСРЛ. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 17. 384 с.

4 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. С. 17–20.

5 Мазуринский летописец. Летописцы последней четверти XVII в. // ПСРЛ. М.: Наука,1968. Т. 31. С. 11–179.

6 Новгородская IV летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 470, 538.

7 Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. Л.: Наука, 1982. Т. 37. 228 с.

REFERENCES

1 Voskresenskaia letopis' [Voskresensky chronicle]. *Russkie letopisi* [Russian chronicles]. Riazan', Uzoroch'e Publ., 1998, vol. 3, pp.336–339. (In Russian)

2 Ermolinskaia letopis' [Ermolin's chronicle]. *Russkie letopisi* [Russian chronicles]. Riazan', Izdat. dom "Nashe vremia" Publ., 2000, vol. 7, pp. 268–269. (In Russian)

3 Zapadnorusskie letopisi [Chronicles of West Russia]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008. Vol. 17. 384 p. (In Russian)

4 Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu [Chronicle collection referred to as Nycon chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, vol. 13, pp. 17–20. (In Russian)

5 Mazurinskii letopisets. Letopistsy poslednei chetverti XVII v. [Mazurinsk chronicle. Chronicles of the last quarter of the 17th century]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 31, pp. 11–179. (In Russian)

6 Novgorodskaia IV letopis' [Novgorod 4th chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 2000, vol. 4, part 1, pp. 470, 538. (In Russian)

7 Ustiuzhskie i vologodskie letopisi XVI- XVIII vv. [Ustiug and Vologda chronicles of the 17th–18th centuries]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. Vol. 37. 228 p. (In Russian)

Об авторе / About author

Нина Владимировна Трофимова — доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: nvt.df@yandex.ru

Nina V. Trofimova — DSc in Philology, Professor, Moscow State University of Education (MPSU), M. Pirogovskaya St. 1/1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: nvt.df@yandex.ru